

СОВЕТСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КАЗАХСКОГО КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА В 30-Е ГОДЫ XX В.

Каженова Г.Т., Сухова Е.В.

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова
г.Кокшетау, Республика Казахстан

Исторический опыт многих стран свидетельствует о том, что попытки насильственной модернизации, особенно в сфере экономики, часто приводят к непредсказуемым результатам. Стремление привнести извне чужеродную модель развития, не учитывая социально-экономической специфики страны, пренебрежение общественным сознанием и менталитетом людей, вызывают результаты, совершенно противоположные ожидаемым.

В начале XX века наметился новый вектор исторического развития казахского кочевого общества. Казахстан находился в стадии аграрной трансформации. Под военным, политическим и хозяйственным воздействием России и проведением имперской модернизации, стали меняться устои, казалось бы, незыблемого кочевого образа жизни. Череда политических и социальных потрясений, вызванных Февральской, Октябрьской революциями, гражданской войной и политикой «военного коммунизма» ускорила процесс трансформации хозяйственной структуры казахского общества. Осуществление внешней механистической модернизации в период насильственной коллективизации привел к глобальной социокультурной катастрофе казахского кочевого общества.

27 августа 1928 года был подписан декрет «О конфискации и выселении крупнейших байских хозяйств и полуфеодалов», который определил целевую установку на эскалацию силового режима по проведению сплошной коллективизации в казахском ауле, повлекшей полное разрушение традиционного скотоводческого хозяйства. Особенно тяжелые последствия эта политика имела в тех регионах, где в силу географических факторов наиболее оптимальным, рациональным и распространенным способом ведения хозяйства являлось кочевое скотоводство. Традиционное хозяйство казахов подверглось процессу насильственной и ускоренной трансформации в ущерб естественно-историческому и эволюционному развитию. Французский историк Изабель Огайон считает, что разрушение системы пастушеского скотоводства стало первым следствием стратегии, состоявшей из четырех этапов: коллективизация – продовольственный налог – седентаризация – раскулачивание [1, 206-207].

Одной из особенностей коллективизации в Казахстане является то, что в отличие от других районов РСФСР, она стала проводиться параллельно с так называемой политикой «оседания». К началу 30-х годов основная часть казахского населения сохраняла кочевой и полукочевой уклад скотоводческого хозяйства. Из 700 тыс. казахских хозяйств 540 тыс. были кочевыми и полукочевыми: 200 тыс. из них вели полукочевой образ жизни, около 340 тыс. – «чистые» кочевники. 160 тыс. хозяйств были оседлыми. О темпах седентаризации говорят следующие данные. Если с 1920 по 1929 гг. осело только 60 тыс. семей, то есть за 10 лет, то с 1930 по 1933 гг., т.е. за 3 года на оседлость было переведено около 540 тыс. семей [2].

Причиной насильственного оседания кочевого населения казахской степи в первую очередь является так называемая зерновая проблема. Для проведения индустриализации требовались средства, которые предполагалось получить за счет расширения экспорта зерна. Вместе с тем необходимо было обеспечить хлебом все растущее городское население. Решение этой проблемы сталинское руководство видело в крупном увеличении производства зерна за счет расширения посевных площадей. Эти обстоятельства объясняют резко возросший интерес к казахским степям со стороны советского руководства. Нарком земледелия СССР Я.А. Яковлев докладывал: «...В Казахстане

до 50-55 млн. га можно считать годными для посевов, из которых 36 млн. га расположены в северных областях... Здесь пшеницы занимают только 5% всей пахотнспособной площади... Если из этих 36 млн. га, годных для посева, до 30% занять под пшеницу, то мы к концу пятилетки в одном только Казахстане получим дополнительно 8-10 млн. га под пшеницей...» [3]. То, что эти земли не пустовали и являлись пастбищами традиционного скотоводческого хозяйства казахов-кочевников руководство не учитывало.

Курс советского государства на расширение зернового производства повлек за собой форсированную, насильственную седентаризацию. На VII съезде Советов Казахстана в апреле 1929 г. принята следующая резолюция: «Развитие зернового хозяйства в крае упирается прежде всего в проблему оседания полукочевого и кочевого населения... во всех частях республики» [4, 168]. С целью расширения земледельческих площадей началось осуществление политики насильственной седентаризации кочевых хозяйств и их коллективизации. Т. Рыскулов в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) писал, что по 5 кочевым и полукочевым районам Карагандинской области (Жана-Аркинский, Кызыл-Туский, Кургальджинский, Сары-Суйский, Эмбекшильдерский) увеличение посевной площади по плану составило 42%, в том числе по Сары-Суйскому району, где из 7 тыс. хозяйств осталось 500-600 хозяйств, дан план 2880 га вместо 300 га в 1931 г. Отмечая увеличение плана при значительном уменьшении трудоспособного населения и количестве живого тягла, отсутствии семфонда и семсуды, Т. Рыскулов опровергает данные в докладе Ф.И. Голощекина о том, что за 3 года (с 1929 по 1931 гг.) казахские посевы возросли на 100% – с 1265,7 до 2561 тыс. га. Об этом он пишет: «Без сомнения тут имеется огромнейшая ошибка в подсчетах посевов... Казахи только в последнее время стали переходить на земледелие, не имея навыков в этом деле; территория казахов расположена больше в за-сушливой зоне и хуже по качеству почвы, тракторов еще мало, почти не проводились агротехнические меры. Как же могла при этих условиях посевная площадь у казахов удвоиться?» Кроме того он уже предвидит, что принуждение к выполнению посевного плана, явится причиной к новым откочевкам и голоду [5, 323].

Процессы седентаризации и коллективизации сопровождалась политикой хлебозаготовок, результаты которой также были трагичными. Жительница Сибири Мелания Дворникова в письме к «всероссийскому старосте М.И. Калинину писала: «Хлебная заготовка очень трудно прошла. В казачьем [казахском] мусульманском колхозе «Тараз» хлеб взят весь до зерна. Все посевы обобществлены и накладывают еще на каждого казаха по 10 и до 20 пудов налога. Где же он взять может, сам работая все лето в колхозе? И в настоящее время эта вся голодная масса движется пешком по дорогам с детишками, себе ища пропитание, по дороге падая как мухи». Из другого письма Калинину, написанному Нургали Дуйсенбиновым, обескураженным происходящим, следует, что автор послания требует сурового наказания «работников районных организаций» вплоть до членов аулсельсоветов «как врагов пролетарской революции всего мира». Казах сообщает о голодной смерти «народа целыми аулами, например, аулсоветов №№ 9, 10 и 11» [6]. Первыми жертвами становились недавно осевшие казахские скотоводы.

В начале января 1930 года выходит постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Начиная с этого времени, Казахстан становится одним из главных плацдармов кампании, где коллективизацию предполагалось завершить к 1932 году (за исключением кочевых и полукочевых районов). В решениях Казкрайкома ВКП(б) указывалось, что наряду с земледельческими хозяйствами необходимо провести «коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству». При этом, в животноводческих колхозах меры по обобществлению намного превысили показатели по зерновым

районам. У людей отнимали скот, имущество и под конвоем милиции направляли в «точки оседания».

Волонтаристский подход к оседанию кочевников не учитывал главного фактора – сохранения баланса между количеством скота и площадью пастбища. Это привело к огромной концентрации скота на небольших пастбищных пространствах, следствием которой стал катастрофический джунт. Так как невозможно было прокормить собранные в одном месте большие стада, вскоре скот, реквизируемый для нужд колхозов, стали забивать на месте. Вместе с тем, в связи с обобществлением колхозами скота на 100 процентов начался массовый убой колхозниками скота. Кроме того, стали гибнуть стада коллективных хозяйств, находившихся под контролем государства, из-за недостаточного ухода за скотом, распрей между колхозниками, отсутствия должной организации производства.

Началась массовая откочевка казахского населения за пределы республики. Во время первой волны миграций, скотоводы увели с собой около 900 000 голов скота. В 1931 г. увеличился процент реквизиций, поголовье стало катастрофически сокращаться. Вследствие катастрофического сокращения численности скота, центр в 1932-1933 гг. стал снижать планы скотозаготовок для разных регионов России и Украины. Самое значительное снижение плана – на 78% – произошло в Казахстане, но данная мера уже не могла спасти ситуацию. Если в 1926 г. численность скота в Казахстане превышала 45 млн. голов, то к 1928 г. – уже 40,219 млн. голов [7].

В 1933 г. в крае насчитывается 3,699 млн. голов. По сравнению с 1929 г. поголовье скота сократилось на 90,8%, а по группе кочевых и полукочевых районов на 94-95% [8; 812]. Т. Рыскулов (заместитель председателя СНК РСФСР в 1926-1937 гг.) в своей докладной записке указывает, что у казахского населения в 1932 г. осталось 6% скота, имевшегося у него в 1929 [9]. При такой убыли скота в традиционных скотоводческих районах, где основным средством существования являлся скот, голод и массовая смерть населения были неизбежны. Первые случаи массового голода в Казахстане были зарегистрированы уже в 1930 г. в ряде пастушеских и сельскохозяйственных регионов. Именно самые бедные группы кочевников первыми стали мишенью для программы оседания, организованной Управлением по миграции [10]. Смертность в пунктах оседлости усиливалась и от эпидемических болезней. Согласно рапортам районной санитарно-инспекционной комиссии, эти проблемы здравоохранения явились следствием ухудшения продовольственной ситуации, жилищных условий и отсутствия общей гигиены. Питание жителей новых аулов ограничивалось только жидкой зерновой похлебкой и кобыльим молоком (кумысом). А те из них, кто был задействован соседними колхозами на строительстве пунктов оседлости, и вовсе голодали [11].

Насильственные меры по переводу кочевников на оседлый образ жизни, привели к огромным жертвам в основном среди коренного населения. Более половины представителей этноса было потеряно в Восточном Казахстане – 410,1 тысячи человек или 52,3 %. Западный Казахстан потерял 394,7 тысячи казахов или 45,0 % этноса, Южный – 632,7 тысячи или 42,9 %. Наименьшие потери были в Центральном Казахстане – 22,5 тысячи человек или 15,6 % этноса данного региона. Более всего пострадали казахи севера республики. Потери составили здесь 879,4 тысячи человек или 74,5 % от численности этноса в 1930 году. В данном регионе наблюдалась наиболее значительная миграция, в первую очередь в пограничные районы Российской Федерации и Китая [12].

Пользуясь слухами, что в Сибири полегче, голодные «откочевники» продвигались вглубь Сибири на свой страх и риск. Их официальное число составило 100 тысяч человек, а на деле откочевывало гораздо больше. Часть людей по оргнабору желала попасть в города, где шли крупные новостройки, где жизнь обеспечивалась продпайками или, в крайнем случае, появлялась возможность собирать подаяние. Бывшие строители Турксиба уповали на подобную работу в Западной Сибири в связи с прокладкой вторых

путей на Транссибе. Но трудовое устройство казахов на новостройках в промышленности осложнялось многочисленностью и наличием нетрудоспособных членов семей мигрантов, а также плохим знанием русского языка и отсутствием навыков работы на производстве.

Краевая прокуратура 9 марта 1932 г. представила первому секретарю Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе докладную записку «О стихийном переселении в пределы Западно-Сибирского края казахов из КАССР и о положении переселившихся в Край». В документе сообщалось, что приход этой группы голодающих, начавшийся с осени 1931 г., все возрастал, достиг своего апогея в январе и феврале. В начале казахи останавливались в районах, непосредственно прилегающих к Казахской АССР, но теперь они распространились и в центральные районы Запсибкрая.

Документы, разысканные новосибирским историком В.С. Познанским, свидетельствуют о том, что страдания казахов, после голода в Казахстане и ожидания счастья оказаться завербованными на стройки Сибири, с устройством на работу, как правило, не заканчивались. В новосибирских архивах сохранилась деловая переписка между администрациями ряда предприятий, перекидывавших друг другу рабочую силу, как мяч в футболе, усиленно работая по этим мячам-людям ногами. Вот завербовали в КАССР большую группу казахов. Около месяца длилась их дорога до Новосибирска. Ехавших в эшелоне не кормили, поэтому еду они выпрашивали на станциях, где стояли по несколько суток. По прибытии на место основную массу направляли на каменно-дробильный завод в Мочищенском карьере. В результате крутой «заботы» заводского руководства 10 человек умерли. Дело осложнилось тем, что во время дезинфекции у казахов сожгли шубы и меховые брюки, люди остались раздетыми на морозе. Сохранилось и такое упоминание о «заботливом» отношении к рабочим: когда их одежду сжигали в вошебойках, самих казахов мыли в бане. И после водной процедуры они в исподнем белье вернулись в свои холодные бараки, пробежав по морозу 2 километра.

Если работающим выплачивались авансы по 3-5 рублей, то неработающим по карточкам выдавался в бараках паек, составлявший всего 250 граммов хлеба. Во избежание случаев повторного получения карточек упоминавшийся управленец Кузнецов предложил переводчику Валчину прикладывать имеющуюся печать на лоб, щеки и живот всем без исключения казахам, начиная с престарелых и заканчивая находящимися в люльках младенцам. В результате все люди были клеймены, заодно выявилась существенная экономия, поскольку лишних «баранчуков» отменили. Вскоре инструктор отдела нацменьшинств Запсибкрайисполкома Н.А.Алешин констатировал: «Из 79 человек 13 умерло. Накануне смерти лежат еще 10 человек, вместе с детьми, безо всякой материальной и санитарной помощи. Остальные еле держатся на ногах» /6/.

Многие казахи надеялись осесть в сельской местности с постоянным проживанием казахской диаспоры. Их не ждало ни русское население, ни ассимилировавшееся казахское. В докладной записке председателя Алейского райисполкома в Запсибкрайисполком говорится: «Эти нацмены-казаки никакой оседлости не имеют, гастролируют из села в село, не поддаются никакому точному учету. Материальные условия самые ужасные: хлеба нет, кормов для лошадей нет, сплошь и рядом голодают и занимаются воровством». Распоряжения из Запсибкрайисполкома гнать пришельцев по любым мотивам развязывало руки председателям на местах.

Тяжелые бытовые условия в полуголодных городах, где полная зависимость жителей от пайка по карточкам и продовольственного рынка, хиреющего и дорожающего, порождали ненависть. Официальная пропаганда трубила о «наплыве нацмен-казаков». В быту это слово подменялось на презрительно-бранное – «орда». Т.е. миграция голодных казахов определялось как вредное нашествие. Атмосфера ненависти к пришельцам формировала криминальное отношение к ним. Негативное отношение к казахам на бытовом уровне подпитывалось распространяемыми слухами о том, что «казахи употреб-

ляют русских детей в пищу». Это провоцировало факты самосуда над казахами. В фондах государственного архива Новосибирской области историком Познанским обнаружены множество материалов о массовых случаях избиений невинных и незащищенных кочевников, которые не могли сносно изъясняться с мучителями. Беззащитностью «откочевников» пользовались чисто уголовные элементы.

Вскоре на местах сельский актив в голодных людях увидел уже «контрреволюционный элемент», который не желает трудиться и состоит в основном из баев. Органы прокурорского надзора пришли к выводу, что среди мигрирующего казахского населения значительную прослойку составляют баи и зажиточные «казаки», у которых на руках «довольно крупные деньги», что они занимаются спекуляцией на рынках. По словам начальника Западносибирского краевого управления милиции Пупкова, «беглое байство из КАССР, обитающее во всех районах, граничащих с Казакстаном, не имея места работы и жительства, принялось за скотокрадство, что привело к значительному его росту» [6].

Голодные годы продолжались примерно до 1938–1939 годов – до получения нового урожая и установления спокойствия в степи. Часть казахов, перекочевавших в Россию, вернулись на родину примерно в этот период.

Масштабы трагедии были чудовищны. В марте 2010 года Парламентская Ассамблея Совета Европы приняла документ «В память жертв Страшного Голода (Голодомор) в бывшем СССР». Комитет по Правовым вопросам и Правам человека, отмечается в документе, осуждает политику советского режима в 1932-1933 годы и оценивает ее как преступление против человечества, нацеленное на физическое уничтожение крестьян в Украине и других областях, населенных этническими украинцами, а также в Казахстане и других частях прежнего Советского Союза. В результате голода эта политика привела к миллионам смертей. В процентном соотношении, пишется в документе, в Казахстане, чье население, в основном, традиционно вело кочевой образ жизни и оказывало сопротивление против принудительной коллективизации, погибших намного больше, чем в советской Украине. Классификация Голодомора в Украине и Великого Голода в Казахстане признана геноцидом многими странами официально, включая США, Канаду, Австралию, большинством стран Латинской Америки и Восточной Европы.

Известный американский историк Н.М. Неймарк пишет: «Сталин не говорил о том, чтобы истребить всех украинцев или казахов – Сталин говорил об уничтожении определенных условий повседневной жизни земледельцев в Украине или кочевников в Казахстане, которые делали их именно украинцами или, соответственно, казахами». Автор считает, что в трагическом случае с Казахстаном с его обширной кочевой полукочевой базой, условия голода были еще более жестокими, чем в Украине. По данным Н.М. Неймарка число смертей от голода достигло 1,45 млн., около 38 процентов от общей численности населения Казахстана, самый высокий показатель смертности среди любой другой национальности в Советском Союзе [13].

Казахстан стал гигантским полигоном для проведения антигуманного социального эксперимента. Здесь была предпринята губительная попытка реализации марксистского постулата о «возможности перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм», что закончилось разрушением традиционных систем жизнеобеспеченности этносов Казахстана и, в конечном счете, привело к беспрецедентной в истории катастрофе.

Список литературы

1. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.). – А.-А., 2009. – 368 с.

2. Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования аула и деревни Казахстана. – А.-А., 1965.
3. Казахстанская правда, 15 мая 1932 г.
4. VII Всеказахский съезд Советов. 8-15 апреля 1929 г. Стенографический отчет и постановления. – А.-А., 1930. С. 168.
5. Рыскулов Т. Докладная записка в ЦК ВКП(б) Сталину И.В., копия: в сельхозотдел ЦК ВКП(б) Кагановичу Л.М. и СНК СССР Молотову В.М. // Собрание сочинений. Т 3. – А.-А., 2009. 444 с.
6. Агалаков А. Казахский голодомор в советской Сибири // Человек и закон // URL: <http://infozakon.com/index.php/kaz-news/item/134>.
7. Сактаганова З. Г. Голод в казахской степи и последствия «великого джута» 1931-1933 гг. в Центральном Казахстане: к историографии проблемы // URL: <http://e-history.kz/media/upload/1466/2014/06/13/dfccd736c5584b2dcbf0a41e55ec9ccf.pdf>
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы в 5-ти тт. / Т.3. Конец 1930-1933 / Под ред. В. Данилова, Р Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.
9. Рыскулов Т. Докладная записка в ЦК ВКП(б) Сталину И.В., копия: в сельхозотдел ЦК ВКП(б) Кагановичу Л.М. и СНК СССР Молотову В.М. // Рыскулов Т. Собрание сочинений. Т 3. – А.-А., 2009. 444 с.
10. Огайон И. Седентаризация казахов СССР при И.В Сталине. Коллективизация и социальные изменения (1928-1945 гг.) /Пер.с франц. А.Т. Ракишева/. Сост. Б.М. Сужиков – Алматы: “Санат”, 2009. – 368 с.
11. Народ не безмолвствует. Массово-политическое издание / составитель Пономарев М.И. – Алматы: П. “Обелиск”, “Простор”, 1996. – 305 с.
12. Алексеенко А.Н. Население Казахстана в 1926-1939 годах // Компьютер и историческая демография / Ред. В.Н. Владимиров. Барнаул, 2000. 210 с. // URL: <http://hist.dcn-asu.ru/kleio/aik/krug/histdem/1.html>.
13. М.Л. Анафинова М.Л. Тема геноцида в период великого голода в Казахстане в академическом дискурсе западных исследователей // История Государства № 3, 2012. – С.118 // URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/1465>.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ПАРТИЯЛАРДЫҢ ҚҰРЫЛУ ТАРИХЫ

Өмірбек Жақсылықұлы Мырзекеев

Ы.Алтынсарин атындағы Арқалық мемлекеттік педагогикалық институты
Арқалық қ., Қазақстан Республикасы

Еліміздің жаңа тарихындағы саяси партиялардың өмірге келуі 1990 жылдан басталды. Осы жылы азаматтық-демократиялық «Азат» қозғалысы (АДҚ) елімізде алғашқы саяси ұйым ретінде тіркелді. Ұлттық мүддені көздеу және қазақтың айырылып қалған құқықтарын қалпына келтіру жағынан бұл қозғалыстың идеялары сол кезде барынша прогресшіл болды. Ұрандары мен бағдарламасы ішінде мұны жоқталған халық оны қолдады. Аз ғана уақыттың ішінде қозғалыс бүкіл республикада ауқымды әрекет ете бастады. Олардың басқа да ұйымдармен қосылып талап етуі арқасында қазақтың көптеген құқықтарын қалпына келтірген Қазақ КСР-нің Мемлекеттік Егемендігі туралы Декларация қабылданды. Онда Қазақ республикасының бөлінбейтін біртұтастығы, мемлекеттік тілінің қазақ тілі екендігі туралы ресми түрде мәлімденіп, Жоғары Кеңесте қабылданды. Кейін ол Тәуелсіздік туралы Заңның негізі болды. «Азат» қозғалысының басында С.Ақатай, М.Шорманов, М.Есеналин секілді ұлтжанды азаматтар тұрды.

1991 жылы «Қазақ КСР-індегі қоғамдық бірлестіктер туралы» Заң қабылданды. Осыған сүйеніп парламенттік тұрғыдағы Қазақстанның Республикалық партиясы (ҚРП) – «Азат» құрылды. 1992 жылғы маусым айында «Азат» және ұлттық-демократиялық